

УДК 327.323.32(497.113):323.281 (491.1)“1948/1952”

ИНФОРМБЮРОВЦЫ ВОЕВОДИНЫ ПО ДАННЫМ ДОКУМЕНТОВ КОМПАРТИИ ЮГОСЛАВИИ

Шахин Ю. В.

*Гуманитарно-педагогическая академия Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского
E-mail: griznica@yandex.ru*

На основе югославских источников партийного происхождения исследуется вопрос деятельности информбюровцев на территории Воеводины в период советско-югославского конфликта, рассмотрены особенности репрессивной политики, способы борьбы информбюровцев против режима, предпринята попытка оценить реальный масштаб их деятельности в регионе.

Ключевые слова: Югославия, Воеводина, информбюровцы, советско-югославский конфликт, политические репрессии.

В 1948 г. отношения Югославии и СССР резко ухудшились. В результате возникших трений советское руководство обвинило лидеров Югославии в оппортунистических ошибках и националистическом перерождении, а затем попыталось их сместить, организовав кампанию комплексного давления. Открытый конфликт в отношениях двух стран начался летом 1948 г., когда Югославию подвергли критике на заседании Коммунистического информационного бюро, и пошел на убыль только после смерти Сталина в 1953 г. Конфликт с СССР вызвал в Югославии разнообразные проблемы, часть из которых носила социально-политический характер. Все предшествующие годы югославские сталинисты воспитывали у масс веру в величие и непогрешимость Сталина. Когда начался конфликт, и Сталин осудил руководство Коммунистической партии Югославии, далеко не всем членам партии было ясно, как можно поддержать свое партийное руководство против советского вождя. Кроме того, в КПЮ в это время шел процесс бюрократического перерождения, когда из вчерашних рабочих и крестьян формировалась номенклатурная верхушка, политика которой приносила трудящимся классам массу неприятностей. Объективное недовольство внутренними процессами и субъективная неготовность переступить через авторитет Сталина толкнули часть югославских сталинистов к поддержке СССР. Так появилось информбюровское движение. Свое имя информбюровцы получили потому, что поддержали резолюцию Коммунистического информационного бюро, осудившую руководителей Югославии.

Югославские сталинисты во главе с Тито увидели в информбюровцах чрезвычайную угрозу. Они считали, что это пятая колонна, которую нужно подавить в зародыше, пока она не нанесла удар в спину. С осени 1949 г. против информбюровцев начались репрессии. Основная волна арестов пришлась на 1949–1951 гг. Обвиняемые в поддержке СССР в основном попадали в лагерь, расстреливали их очень редко. С конца 1980-х гг. выжившие информбюровцы начали публиковать воспомина-

ния о своих мучениях в тюрьмах и лагерях. Эти воспоминания и составляют основной массив доступных опубликованных источников по истории информбюровского движения. Однако этот массив весьма односторонний: он почти не дает представления о работе репрессивного механизма за пределами мест лишения свободы, равно как и о деятельности самих информбюровцев до ареста.

Архивы спецслужб Югославии долгое время были недоступны – лишь в последние годы у историков появилась некоторая возможность в них заглянуть. Особый энтузиазм у исследователя вызывают центральные архивы Управления государственной безопасности, которое по традиции именовали Удбой. Сербские историки недавно получили к ним доступ и занялись упорядочиванием фонда. Эта работа обещает быть длительной, хотя и приносит уже первые плоды [1], поэтому основными источниками данных по деятельности информбюровцев и их преследованию все еще остаются документы партийного происхождения. Парторганизации КПЮ уделяли информбюровцам много внимания, так как считалось, что партия в борьбе с этой опасностью должна быть не менее бдительна, чем спецслужбы. Когда бдительность спецслужб посрамляла усилия партийного актива, это служило основанием для критики со стороны вышестоящих партийных органов [2, s. 48, 144]. Таким образом, сведения об информбюровцах эта группа дает. Иной вопрос, какие? Его мы рассмотрим на основе партийных документов Воеводины, где у автора была возможность поработать с архивными фондами.

Для понимания административных реалий того времени надлежит отметить, что Воеводина всегда отличалась пестрым этническим составом. Поэтому на ее территории была образована автономия, входившая в состав Сербии. Ее столицей как тогда, так и сейчас был г. Нови Сад. В административном плане край делился на срезы, а срезы – на общины. Аналогичной была и территориальная структура правящей партии. В Новом Саде базировался краевой комитет Коммунистической партии Сербии по Воеводине. В каждом срезе действовал местный партийный комитет. Для крупных городов, входивших в срезы, формировались отдельные парткомитеты.

По Воеводине мы располагаем следующей партийной статистикой: до конца 1949 г. были раскрыты 54 информбюровские группы, включавшие 448 человек. Они образовались в основном в конце 1948 – начале 1949 г. Самые крупные из них действовали в Кулском срезе, Сремской Митровице и в Вршце [3, s. 229]. Кулский срез подвергся основательной чистке. Так по данным на июль 1952 г. 468 человек были исключены из партии, а 167 чел. арестованы [4, л. 4]. Отдельные архивные материалы дополняют эту картину для периода 1949–1951 гг. В 1949 г. возникла мелкая группа (4 чел.) в Бегейском срезе. В срезе Бачка Топола образовалось две группы, из них самую крупную создали в сентябре в Ловчене местные черногорцы [5, л. 6; 6, л. 12]. В Новосадском срезе по состоянию на 29 июня 1951 г. выявили 6 групп. В 1949 г. там образовались 5 мелких, численностью не более 5 человек каждая. Зато в октябре 1950 г. черногорцы из племени Братоножичи, проживавшие в селе Равном, образовали группу, продержавшуюся до лета 1951 г. и выросшую до 20 человек [7, л. 2-3]. Весной 1950 г. была раскрыта группа в Белой Церкви, объединявшая свыше 20 членов партии [8, л. 5]. Весной 1951 г. в Бечейском срезе были выявлены ин-

формбюровские группы. Одна из них действовала в селе Турия [9, л. 2; 10, л. 2]. Не позднее мая 1951 г. в Русском селе Кикиндского среза была раскрыта информбюровская организация. Она образовалась где-то в 1950 г. и по ее делу арестовали около 25 человек [11, л. 1-3; 12, л. 2]. Хотя Воеводина была аграрным краем, информбюровские группы возникали там и на промышленных предприятиях. К лету 1950 г. они были выявлены на предприятиях Кулского среза, на «Стакларе» (стекольном заводе) в Панчеве и на заводах Зренянина, но после их разгрома «известно лишь об отдельных лицах, на счет которых есть подозрения, что они информбюровцы» [13, л. 13; 14, л. 13]. После 1951 г. партийные органы не фиксируют сведений об информбюровцах на территории Воеводины.

Как сводные данные партийной статистики, обнаруженные сербским историком М. Митровичем, так и наши эмпирические изыскания приводят к одному похожему выводу – основная часть информбюровцев Воеводины – это члены мелких и мельчайших групп. Так у нас присутствуют сведения не менее чем о 13 группах. Из них лишь 4 были крупными – это группы в Кулском срезе, г. Белая Церковь, селах Равное и Русское. В них по оценкам партийных источников входили от 20 человек и выше. А вот численность мелких не превышает порога в 5 человек. Если же мы подойдем к вопросу, опираясь на данные Митровича, то для одной информбюровской группы получим численность, слегка превышающую 8 человек.

Можем ли мы считать, что все, что названо в источниках группами, на самом деле ими и являлось? Хорватский историк М. Превишич на материалах Славонии пришел к выводу, что понятие «группа» применительно к информбюровцам трактовалось слишком расширительно, и не всё то группа, что так названо даже в документах Удбы [15, s. 396]. Действительно, в опубликованном отчете Удбы о положении в Белградском университете в 1951 г. сперва упомянуты три информбюровские группы численностью 4, 3 и 2 человека, а потом сказано: «В этом году, в отличие от предыдущих лет, не было ИБ организаций, групп и листовок» [16, с. 177]. Очевидно, даже в глазах спецслужб арестованные студенты до статуса группы не дотягивали, а присвоение этого статуса было делом субъективного выбора. Речь в принципе идет об одной и той же мировоззренческой среде, поэтому данный вывод можно распространить и на источники партийного происхождения.

Вторым аргументом против отнесения к группам всего, что названо группами в партийных документах, служит кампания охоты на ведьм. Югославские сталинисты развернули против просоветских сталинистов превентивные репрессии, чтобы обезвредить врага до того, как он сможет что-то сделать. Через центральные комитеты республиканских партий нагнеталась атмосфера шпиономании и подозрительности. Опубликованные документы по Словении и Хорватии показывают, что в ряде случаев Политбюро ЦК КПЮ прямо стимулировало республиканских руководителей к усилению репрессий, а в ряде случаев и сами ЦК республик проявляли инициативу. Всей своей тяжестью это давление обрушивалось на парткомы и первички, приводя к многочисленным эксцессам исполнителей.

Краевой комитет Компартии Сербии по Воеводине проводил ту же линию, что и другие югославские сталинисты. Однако из-за плохой систематизации партийного фонда в архиве курс охоты на ведьм проще проследить по материалам на уровне

срезных парткомов, чем непосредственно на уровне крайкома. Но и там документы изобилуют характерными свидетельствами. Вот протокольная запись о пленуме срезного комитета в Новом Кнежевце 26 апреля 1951 г. На пленуме присутствовал член бюро крайкома Соти Пал «с еще несколькими членами бюро крайкома и инструкторами». Соти Пал выступил с докладом, конспект которого включен в протокол: «В конце он говорит о Коминформе: ошибочно представление думать: есть или нет – не было арестов, да нет и коминформовцев. Этот вопрос Коминформа анализировать и искать глубже, всякая работа, которая направлена против ФНРЮ, это [деятельность] по линии Коминформа (который работает на каком угодно поле, будь то разрушение власти, торможение экономики и т.д.)» [17, л. 3]. То есть практически любая деятельность, приносящая вред обществу с точки зрения правящей партии, может быть объявлена активностью информбюровцев.

Следующий пример нагнетания сверху не так ярко выражен, но зато мы можем проследить, как отреагировала нижестоящая парторганизация. В крайкоме Воеводины на одной аналитической записке, датируемой 20 февраля 1951 г., голубым чернилом сделана пометка, что Кулский срез «самый слабый пункт» в вопросе информбюровцев [18, л. 1]. Основные аресты в Кулском срезе пришлось на 1949 г. Обвиняемых в поддержке Коминформа гражданских лиц обычно наказывали в административном порядке работами в трудовых лагерях на срок до двух лет, поэтому к началу 1951 г. осужденные информбюровцы стали возвращаться по домам. Их было много (как уже сказано, по данным на июль 1951 г. в срезе было проведено 167 арестов). Видимо в этом крайком и усмотрел проблему. В результате протокол заседания срезного комитета Кулы от 7 мая 1951 г. фиксирует очередное обострение шпиономании. Протокол провозглашает уклонение бывших коминформовцев от активной политической жизни одним из проявлений их подрывной работы [19, л. 3]. Не проходит и трех недель, как 27 мая собирается бюро срезного комитета и продолжает нагнетать страсти. Бюро взывает к необходимости борьбы с врагом и критикует «достаточную пассивность» членов партии и Народного фронта в попытках эту борьбу активизировать. Врагов бюро определяет как «реакцию» и «информбюровцев» [20, л. 2].

Аналогичные воззрения на пришедших из заключения информбюровцев насаждались и в других местах края. 7 ноября 1951 г. бюро срезного комитета Белой Церкви констатировало в порядке критики местных парторганизаций: «Также в некоторых партийных организациях не проведена позиция, что информбюровцы могут быть только против нас или за нас, но никак не пассивными» [21, л. 2].

Призывы «искать глубже» вели к печальным последствиям. Вот несколько крайне абсурдных примеров обвинения в информбюровщине. Бюллетень, составленный по итогам годовых собраний срезных профсоюзных веч Воеводины не позднее 25 февраля 1949 г., повествует о таком случае в г. Зренянине: в литейной мастерской железнодорожного депо на одном из бюллетеней какой-то делегат годового собрания написал во время голосования: «Да здравствуют англо-американцы, долой коммунистов». Далее слово источнику: «...Указанный был арестован УДБой. Раньше он был членом КПЮ, а сейчас информбюровец» [22, л. 2]. Несовместимость

поддержки Советского Союза и содержания написанного лозунга составителя бюллетеня не смутила.

В протоколе заседания срезного комитета Панчево от 21 августа 1951 г. содержится еще два характерных примера. Некий Марко Рапаич в Панчеве передал Удбе информбюровские листовки. А поскольку было неизвестно, откуда он их взял, это послужило основой для «подозрения», и он был арестован. Некая Ёванка Ристич в том же Панчеве «пассивизировалась» (стала общественно пассивной), когда ее муж открыто выступил за Информбюро. Потом (видимо после ареста мужа) она перестала быть членом партии, не участвовала в ее работе. Отсюда срезный комитет делает уверенный вывод: Ристич «поколебалась» по линии Информбюро [23, л. 2].

Итак, правящая партия проводила установку, что если информбюровцев не обнаружили, значит их плохо искали. Отсутствие разоблаченных информбюровцев могло навести на подозрение, что местная парторганизация, в которой не было никаких разоблачений, занимается попустительством, а то и прямо скрывает врага. Партактиву в этой ситуации только и оставалось, что копать глубже. В результате информбюровцами провозглашались люди, которые на самом деле таковыми не являлись. Это второй аргумент в пользу критического восприятия партийных сведений о существовании информбюровских групп.

Есть и третий аргумент, который мы получим, рассмотрев деятельность информбюровцев, опираясь на партийные документы. В Воеводине, в отличие от некоторых других регионов Югославии, нет сведений о совершении ими каких-либо насильственных действий типа диверсий и ухода в лес с оружием. Самые смелые физические деяния, которые они предпринимали, – это попытки бегства за границу. Так в Новосадском срезе 4 человека из Сирига неудачно пытались бежать в Венгрию, несколько воеводинских словаков бежали в Чехословакию. Удачливы оказались и 3 человека из Ченты Тамишского среза: в сентябре 1949 г. они пробились в Румынию [3, с. 230; 7, л. 3].

Следующий блок активности информбюровцев – это агитация, которая делится по способам осуществления на устную и листовочную. На рубеже 1940-х – 1950-х гг. в Югославии остро стоял ряд социальных и экономических проблем. Реакцию информбюровцев на них характеризует анонимный отчет, составленный в крайкоме в конце 1950 г. По данным отчета в городах Новый Сад и Кула они вели агитацию, используя недовольство горожан дефицитом потребительских товаров [24, с. 639–640]. Сбои в системе снабжения и дефицит достигли в 1950 г. своего пика, поэтому массовое недовольство горожан объективно имело место, а информбюровцы пытались стать тем сознательным фактором, который придаст недовольству политическую форму. Кроме того, информбюровцы агитировали перед выборами марта 1950 г. против КПЮ, призывали крестьян к выходу из крестьянских трудовых кооперативов (так в Югославии называли колхозы) и отказу от подписки народного займа [24, с. 641]. Намерение информбюровцев разрушить КТК упоминается и в других источниках партийного происхождения [5, л. 6]. Об агитации информбюровцев на почве специфических проблем рабочего класса мы никаких сведений не нашли, хотя их представители и были среди рабочих.

Впрочем, эти сведения об агитации можно интерпретировать и по-другому. Недовольство генерировалось естественным путем, а руку врага партийные функционеры усматривали там только в силу своей маниакальной шпиономании. По-видимому, какая-то часть партийных сведений об устной агитации информбюровцев имеет именно такую природу. Достоверно известны случаи, когда под устную агитацию могли быть подведены распространение слухов, констатация объективного положения дел (например, что Югославия находится в международной изоляции), обсуждение с друзьями тех или иных проблем в информбюровском духе, анекдоты против Тито. Но полностью исключить наличие устной агитации нельзя, хотя бы потому, что существовали информбюровские листовки, то есть агитация в самом деле велась.

Листовки, по-видимому, были самой распространенной формой активности информбюровцев, занимавшей второе место после устных разговоров. В доступных нам источниках они фиксируются в период 1948–1950 гг., но есть один случай относящийся и к 1951 г. [5, л. 6,7; 7, л. 3; 13, л. 13; 23, л. 2]. В основном листовки были малотиражными. В некоторых случаях они изготавливались на печатной машинке. Кустарный способ изготовления не дает возможности приписать их рукам информбюровской эмиграции. Она, как известно, старалась активно забрасывать в Югославию свою печатную продукцию при содействии СССР и советских союзников в Центральной Европе. А Воеводина – пограничная область, соседствующая с Венгрией и Румынией. Обнаружить там листовку заграничного происхождения было гораздо естественнее, чем где-нибудь в Боснии. Однако заграничные листовки не имели кустарного характера, потому в данном случае речь идет именно об активности местного информбюровского подполья.

Все остальные действия информбюровцев были либо пассивными, либо непреднамеренными. Среди пассивных действий особо выделяется прослушивание просоветских радиостанций. Похоже, даже в 1950–1951 гг. это было широко распространенное занятие [7, л. 3; 25, л. 4; 26, л. 2]. В числе других «преступлений» информбюровцев источники отмечают: хранение портретов Сталина, распевание русских песен, «пассивизацию», то есть отказ члена партии или общественного активиста от активной общественной деятельности, терпимость к информбюровцам, вышедшим на свободу после заключения.

Таким образом, с современной точки зрения большая часть того, чем занимались информбюровцы Воеводины, вообще не содержала в себе состава преступления. Разумеется, уголовное законодательство тогдашней Югославии было более суровым. До февраля 1951 г. в стране действовал уголовный кодекс, который предусматривал ответственность за контрреволюционную агитацию, за подготовку к бегству за границу, за доноительство по факту уголовного преступления [2, с. 993; 27, р.277; 28, с. 121]. Но и с этими заимствованиями из сталинского законодательства далеко не все информбюровцы должны были пасть жертвой репрессивной машины, если бы только они не применялись расширительно. Репрессии осуществлялись на основании так называемого вербального деликта, и этого было достаточно, чтобы преследовать людей, если они обнаружили какие-то частные моменты, похожие на информбюровские настроения. Отсюда следует третий аргумент против того,

чтобы все упоминания об информбюровских группах принимать за чистую монету.

По-видимому, подавляющее большинство групп с малым числом участников никогда группами не являлось. Карательные органы туда включали одного-двух людей, чьи отдельные высказывания или особенности поведения почему-то давали основание считать их информбюровцами, а также добавляли к этим главным жертвам людей из круга их общения, которые об этих высказываниях или действиях могли знать, но не донесли, куда нужно. При помощи такой методики легко сконструировать группу максимальной численностью до 5–6 человек.

Если применить эти критерии к Воеводине, то мы можем сделать вывод о существовании лишь шести крупных групп в Кулском срезе, Белой Церкви, Сремской Митровице, Вршце, Равном и Русском. При этом их численность тоже может быть преувеличена за счет включения лиц, которые что-то знали, но не донесли. Ну а реальность большинства мелких групп оказывается под серьезным сомнением. Помимо создания нелегальных групп, информбюровцы Воеводины не совершили почти ничего достойного упоминания: они предпринимали побеги за границу, занимались устной агитацией и распространением листовок. А вот партийные органы занимались охотой на ведьм, всячески преувеличивая масштаб опасности и подвергая репрессиям людей, в чьих действиях не было состава преступления.

С 1980-х гг., когда в Югославии началось научное изучение информбюровцев, возникла проблема достоверности сведений об их активности. На основании проведенного исследования можно утверждать, что данные партийных источников эту активность преувеличивают, особенно когда в их сообщениях фигурируют малые группы. Однако часть сведений оказывается достоверной и выдерживает критику. Тем самым не подтверждается точка зрения, будто все информбюровцы были простыми жертвами репрессивных кампаний по выявлению мнимых врагов.

Список использованных источников и литературы

1. Митровић М. Логораши умрли на Голом Отоку у периоду 1948–1958. године / М. Митровић // Токови историје. – 2013. – № 3. – С. 289-330.
Mitrović M. Logoraši umrli na Golom Otoku u periodu 1948-1958. godine / M. Mitrović // Tokovi istorije. – 2013. – № 3. – S. 289-330.
2. Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske. – Zagreb, 2006. – Sv.2. – 1088 s.
3. Mitrović M. Ibeovci Srbije 1948-1952. u partijskim izveštajima / M. Mitrović // Jugoslovensko-sovjetski sukob 1948. godine. – Beograd, 1999. – S. 223-234.
4. Архив Војводине. – Ф. 334: Покрајински комитет Савеза комуниста Србије за Војводину. – П. 1440. – Л. 4.
Arhiv Vojvodine. – F. 334: Pokrajinski komitet Saveza komunista Srbije za Vojvodinu. – P. 1440. – L. 4.
5. Архив Војводине. – Ф. 334. – П. 3207. – Л. 6.
Arhiv Vojvodine. – F. 334. – P. 3207. – L. 6.
6. Архив Војводине. – Ф. 334. – П. 3232. – Л. 12.
Arhiv Vojvodine. – F. 334. – P. 3232. – L. 12.
7. Архив Војводине. – Ф. 334. – П. 2145. – Л. 2-3.
Arhiv Vojvodine. – F. 334. – P. 2145. – L. 2-3.
8. Архив Војводине. – Ф. 334. – П. 1791. – Л. 5.
Arhiv Vojvodine. – F. 334. – P. 1791. – L. 5.
9. Архив Војводине. – Ф. 334. – П. 1736. – Л. 2.

- Arhiv Vojvodine. – F. 334. – P. 1736. – L. 2.
10. Архив Војводине. – Ф. 334. – П. 1742. – Л. 2.
Arhiv Vojvodine. – F. 334. – P. 1742. – L. 2.
11. Архив Војводине. – Ф. 334. – П. 607. – Л. 1-3.
Arhiv Vojvodine. – F. 334. – P. 607. – L. 1-3.
12. Архив Војводине. – Ф. 334. – П. 2078. – Л. 2.
Arhiv Vojvodine. – F. 334. – P. 2078. – L. 2.
13. Архив Војводине. – Ф. 334. – П. 4027. – Л. 13.
Arhiv Vojvodine. – F. 334. – P. 4027. – L. 13.
14. Архив Војводине. – Ф. 334. – П. 7755. – Л. 13.
Arhiv Vojvodine. – F. 334. – P. 7755. – L. 13.
15. Previšić M. Djelovanje “ibeovaca” na području Slavnskoga Broda 1948. – 1955. / M. Previšić // *Scrinia Slavonica*. – 2010. – № 10. – S. 391-418.
16. Бонџић Д. Извештај УДБ-е о стању на факултетима Београдског универзитета и великих школа 1951. године / Д. Бонџић // Архив. Часопис Архива Србије и Црне Горе. – 2003. – № 1-2. – С. 172-188.
- Bondžić D. Izveštaj UDB-e o stanju na fakultetima Beogradskog univerziteta i velikih škola 1951. godine / D. Bondžić // *Arhiv. Časopis Arhiva Srbije i Crne Gore*. – 2003. – № 1-2. – S. 172-188.
17. Архив Војводине. – Ф. 334. – П. 1467. – Л. 3.
Arhiv Vojvodine. – F. 334. – P. 1467. – L. 3.
18. Архив Војводине. – Ф. 334. – П. 623. – Л. 1.
Arhiv Vojvodine. – F. 334. – P. 623. – L. 1.
19. Архив Војводине. – Ф. 334. – П. 1432. – Л. 3.
Arhiv Vojvodine. – F. 334. – P. 1432. – L. 3.
20. Архив Војводине. – Ф. 334. – П. 2031. – Л. 2.
Arhiv Vojvodine. – F. 334. – P. 2031. – L. 2.
21. Архив Војводине. – Ф. 334. – П. 1794. – Л. 2.
Arhiv Vojvodine. – F. 334. – P. 1794. – L. 2.
22. Архив Војводине. – Ф. 334. – П. 10892. – Л. 2.
Arhiv Vojvodine. – F. 334. – P. 10892. – L. 2.
23. Архив Војводине. – Ф. 334. – П. 1518. – Л. 2.
Arhiv Vojvodine. – F. 334. – P. 1518. – L. 2.
24. Извештај о Коминформу // Михаиловић Д. Голи оток. – Београд, 1990. – Књ. 1. – С. 636-645.
Izveštaj o Kominformu // Mihailović D. Goli otok. – Beograd, 1990. – Knj. 1. – S. 636-645.
25. Архив Војводине. – Ф. 334. – П. 1501. – Л. 4.
Arhiv Vojvodine. – F. 334. – P. 1501. – L. 4.
26. Архив Војводине. – Ф. 334. – П. 3386. – Л. 2.
Arhiv Vojvodine. – F. 334. – P. 3386. – L. 2.
27. Djilas M. Rise and fall / M. Djilas. – San Diego – N.-Y. – L., 1986. – 424 p.
28. Kuljić T. Tito: sociološkoistorijska studija / T. Kuljić. – Beograd, 1998. – 394 s.

Shakhin Y. V. Cominformists of Vojvodina according to documents of the communist party of Yugoslavia

In the year of 1948 the Soviet-Yugoslavian conflict had broken out. One part of Yugoslavian Stalinists supported Soviet accusations to the policy of the Communist party of Yugoslavia. They were named Cominformists, due to the Cominform who officially published these Soviet accusations. Some of them believed Stalin could not be mistaken, some of them were dissatisfied with bureaucratic degeneration of people's power. Ruling bureaucracy put them for fierce repression.

For a long time state security archives were closed in former Yugoslavia and the main sources for study of Cominformists were documents from the ruling party. The situation begins to change only last years. But the sources of party's origin are still actual. The author used them for research of Cominformists in Vojvodina autonomous region (Republic of Serbia).

The first part of the article gives general picture of Cominformist groups as they were mentioned in the sources. Several dozens of groups occupied several hundreds of men. But there are doubts if all these groups were real. We found three reasons for negative answer. First of all we know from other sources that author of analytics used the term “group” arbitrary in order to enlarge the scale of danger and guilt of arrested.

When we found the second reason by examine the character of repression. They were carried out in a witch-hunt style. Party’s officials called “to look deeper” and insisted that any current problem in society could be connected to Cominformists. The party believed if where were no arrests of Cominformists it does not mean they don’t exist in reality, it means only party has not looked for them carefully. As result the sources give up bright examples of arrests on completely absurd pretext in Vojvodina.

The third reason not to take seriously every description of the Cominformist group is a character of their activity. The sources give us picture of very moderate struggle. Some Cominformists tried to escape from Yugoslavia and crossed the state border illegally. Many of them agitated against ruling regime in oral form or by leaflets. As well they formed illegal groups. And that is all. The repressive laws of Yugoslavia extended the list of their crimes in comparison to contemporary views, but this obstacle is not enough to explain the scale of repression if we suppose the guilt of repressed majority as real.

On this ground the author concluded that largest part of small groups mentioned in the sources had nothing to do with real Cominformism. In the majority of cases only one or two man in every group of such kind could have something common with Cominformist views. And these groups were artificially constructed by Yugoslavian security services. Anyway there were six large groups in Vojvodina whose reality can’t be put under question.

Keywords: Yugoslavia, Vojvodina, Cominformists, Soviet-Yugoslavian conflict, political repression.